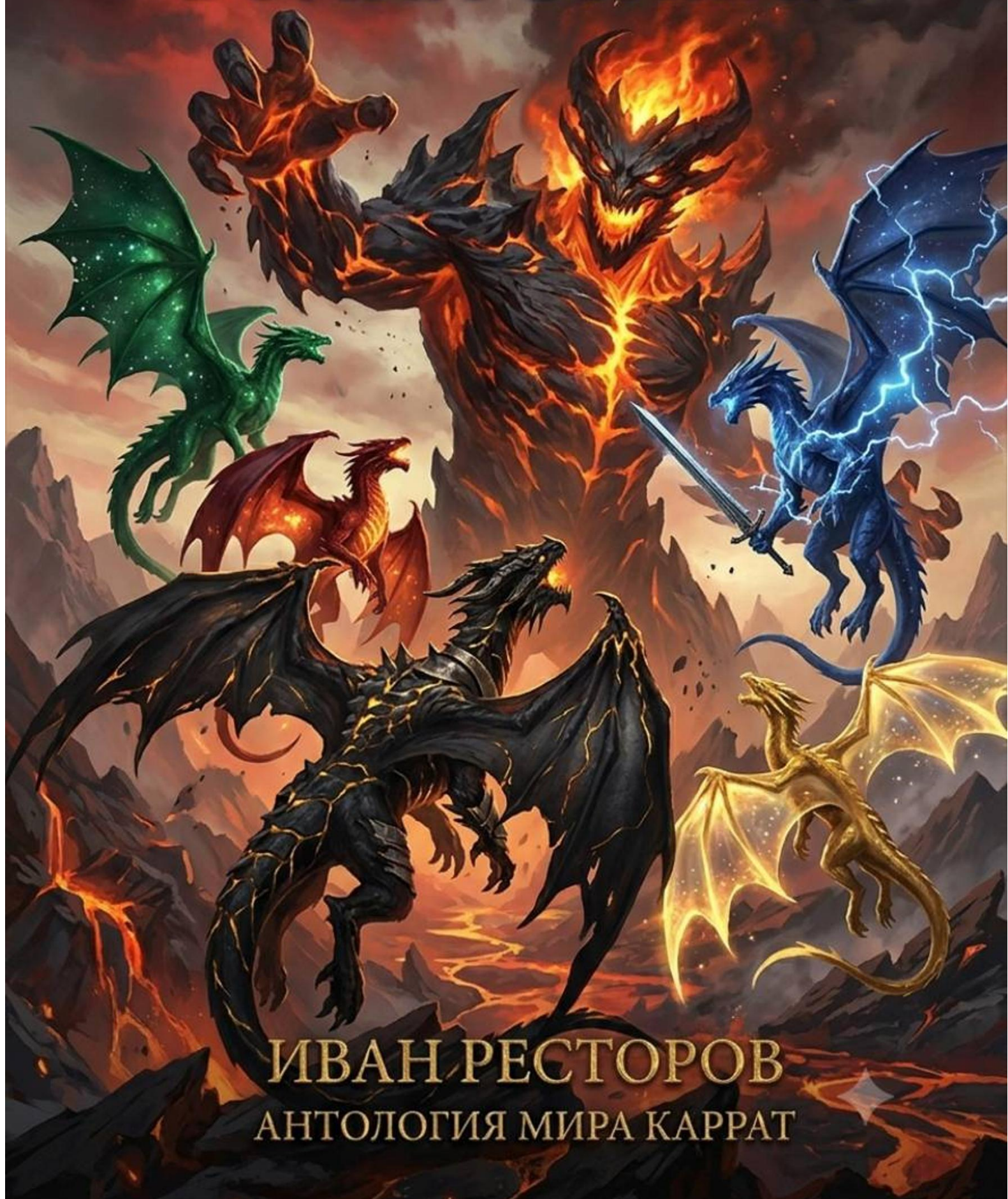

ЭПОХА ПЕРВЫХ: ВОЙНА СТИХИЙ

ИВАН РЕСТОРОВ
АНТОЛОГИЯ МИРА КАРРАТ

Иван Ресторов

Эпоха первых: война стихий

«Автор»

2026

Ресторов И.

Эпоха первых: война стихий / И. Ресторов — «Автор», 2026

Пятеро бессмертных Драконов осмелились бросить вызов самим основам бытия. Они восстали против Первородных Стихий, чтобы принести в мир порядок, форму и смысл. Но за дерзость всегда приходится платить. Это история о том, как первые драконы творили мир на костях титанов. О кровавых войнах с ураганами и океанами, о битвах с огнём и камнем, о цене величия и искуплении. О детях, рождённых не для наследства, а для войны. О предательстве и жертве, о любви, способной сокрушить титанов, и о ненависти, пожирающей собственных творцов. Перед вами — не приукрашенный миф. Это попытка восстановить суровую правду о Рассвете Эпохи Драконов. О том, как мир обрёл форму. И о том, как первые его создатели заплатили за это всем, что у них было.

© Ресторов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1: СОВЕТ КРЫЛЬЕВ	8
ГЛАВА 2: КУЗНИЦА ИДЕЙ	11
ГЛАВА 3: РАЗДЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ	13
ГЛАВА 4: ПОЛЕТ В ЭПИЦЕНТР ССОРЫ БОГОВ	15
ГЛАВА 5: КУЗНИЦА МИРА	18
ГЛАВА 6: ВОПРОС, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАДАН ПЕРВЫМ	20
ГЛАВА 7: ДЫХАНИЕ ВЕТРА И ЯРОСТИ	22
ГЛАВА 8: РЕШЕНИЕ О БУДУЩЕМ	27
ГЛАВА 9: СОВЕТ ПЕРЕД БЕЗДНОЙ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Иван Ресторов

Эпоха первых: война стихий

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что вы держите перед собой, — память. Воспоминание, вырванное у самого времени. Я, Летописец, собирал его по крупницам там, где обычный архивариус побоялся бы ступить: в шепоте ветров, что помнят Рассвет; в отражениях застывшей лавы, где до сих пор бьётся эхо битв; в безмолвии камней, которые видели гибель богов.

Моё имя не важно. Я — только голос. Голос, который слышал память мира и записал её так, как смог.

То, что вы прочтёте, — не приукрашенный миф и не сказка у костра. Это попытка восстановить суровую правду о Первых Драконах. О том, как пятеро бессмертных осмелились бросить вызов самим основам бытия. Как они крали у богов, чтобы создать порядок, и как заплатили за свою дерзость ценой, о которой мы, живущие в устроенном мире, даже не смеем помыслить.

Я не был там. Но те, кто был там, оставили следы. Я собрал эти следы. Я соединил обрывки. Я позволил себе додумать то, что стёрлось временем, потому что без этих «додумок» история была бы лишь сухим перечнем дат и имён. Возможно, я ошибся в деталях. Но я не ошибся в главном: это история кровавого и славного Рассвета нашей эры.

Читайте и помните: всё, что вы видите вокруг — горы, дающие руду, океаны, знающие свои берега, и само пламя в вашем очаге — это перекованная ярость тех, кто был до нас.

Летописец Эпохи Драконов

ПРОЛОГ

Тишина была первым творением. И она была ужасна.

Не тишина покоя, а всепоглощающий мрак, в котором дремали слепые силы. Они не мыслили, не желали — они были. Горные хребты вздымались и рушились в бесконечном, бессмысленном зевке Гагромонта Могучего. Океаны — порождение Талассара Бездонного — выплескивались на несуществующие берега и замирали, не ведая, куда течь. Пламя Рагнароса пожирало само себя в темных пустотах, рождаясь вновь из пепла, но не оставляя света. И над всем этим, завывая ледяной пустотой, носился Таурис Сокрушающий Вихрь — не ветер, а сама идея яростного движения, не ведающая цели.

Это был не мир. Это была утроба, беременная хаосом.

И тогда в нее ворвались Крылья.

Они явились не извне. Они возникли из самой этой первозданной сути, как первые мысли в бреду. Они были плотью от плоти этого хаоса, но несли в себе семена иного начала — дух, форму, волю.

Первым раскрыл чешуйчатые веки Дагрон. Его изумрудные глаза были усыпаны мерцанием далеких солнц. Разум, острый как кромка скалы, впитывал безумие мира и видел в нем скрытую геометрию, стройную симфонию. Он наблюдал, вычислял, искал точку приложения для дремлющей в когтях силы. Смотрящий в Звездное Небо, он мечтал навести порядок в космической пыли.

Рядом с ним, подобная вспышке алого рассвета, развернула крылья Фенисания. Ее дыхание было теплом. Там, где ее лапа касалась холодного камня, прорастал первый, хрупкий мох. Она была песней жизни в мире безмолвной материи, и ее сердце билось в ритме, которого не существовало. Дракон на Цветущем Лугу — и тот луг был лишь обещанием в ее душе.

С грохотом, от которого содрогнулась сама пустота, поднялся Игнэрион. Его чешуя была чернее глубины, куда не падал свет, но по ней струились золотые прожилки, словно раскаленные трещины. Он был кузнецом, но ему нечего было ковать. Его ярость, пламя души, искала наковальню. Он чувствовал дикий огонь Рагнароса и знал: его можно выковать в очаг.

Из водоворота тумана и зарождающихся туч поднялся Тридент. Его голубая чешуя отличалась влагой и блеском молний. Он слышал рев Талассара и воющий хаос Тауриса и чувствовал в них не просто ярость, а мотив грохочущий и нестройный. Его целью было не заглушить его, а взять в руки дирижерскую палочку — управлять этой неистовой симфонией вод и гроз. Повелитель Морей и Грома искал свою державу.

И последней, словно разворачивая само полотно реальности, явилась Аурелия. Ее золотисто-желтые крылья не просто рассекали воздух — они зияли над ним. Взгляд ее глаз, подобных двум жидким солнцам, видел не только «то, что есть», но и «то, что могло бы быть», и «то, что будет». Она видела точки, линии и целые миры, наложенные на текущий хаос. Зияющая над временем и пространством, она была картографом несуществующих земель и хранительницей еще не наступившего будущего.

Они были Первыми. Драконами.

Они смотрели на беснующиеся стихии не как на врагов, а как на сырой материал, на безумных, не осознающих себя богов. Им противостоял не противник, а принцип — принцип вечного, бесцельного разрушения.

Дагрон повернул свою могучую голову к собратьям, и в его голосе, глухом как рокот тектонических плит, прозвучала первая в мире осознанная воля:

— Этот мир слеп и безумен. Он дышит, но не живет. Он движется, но не идет. Мы должны дать ему форму. Мы должны дать ему смысл.

— Они не позволят, — прогремел Тридент, кивнув в сторону бесформенной бури, где уже зарождался лик Тауриса, собранный из вихрей и громовых туч. — Они — сама суть того, что есть. Они не понимают «зачем». Они только «есть».

— Тогда мы заставим их понять, — выдохнула пламя Фенисания, и ее огонь был теплым и живым. — Или усмирим.

— Усмирить бурю? Сковать землю? Запереть океан? — Игнэрион хрипло рассмеялся, и искры посыпались с его пасти. — Для этого нужна сила, которой нет. Ее нужно выковать.

— Она уже есть, — тихо сказала Аурелия. Ее взгляд был устремлен не на них, а сквозь них — в мириады ветвящихся линий грядущего. — Она в них самих. И в нас. Но цена... цена будет видна лишь в конце всех путей.

Они не знали тогда, что их ждет. Они знали лишь одно: слепой хаос должен уступить место осмысленному порядку. Жизнь должна взять верх над инертной материей. И даже если ценой станет их собственная сущность, их души, их будущее — они заплатят ее.

Первый гром Тридента разорвал первозданную тишину. Первый луч осмысленного пламени Игнэриона вспыхнул во тьме. Под лапой Фенисании камень впервые расцвел мхом не по прихоти стихии, а по воле жизни.

Война за само мироздание началась.

Первые Драконы расправили крылья против самих основ бытия. Они были творцами и разрушителями, богами и жертвами, началом великой эпохи и причиной ее грядущего конца.

Имя этой эпохе — Драконы.

А это — история ее кровавого, блистательного и трагичного рассвета.

ГЛАВА 1: СОВЕТ КРЫЛЬЕВ

Боги, собравшиеся на совет, редко предчувствуют собственную гибель. Они слишком заняты величием замысла. В этом их сила и их проклятие.

Великий Зал был не высечен в скале — он был выращен. Дагрон не терпел грубой работы. По мановению его когтя корни древних деревьев сплелись в арки, стволы исполинских дубов срослись, образовав купол, пропускающий свет несуществующих звезд. Пол был устлан мхом, который дышала Фенисания, — мягким, живым, теплым. Здесь пахло древесной смолой и земляным запахом, словно после грозы, которой еще не было. Это было место силы — первое в мире убежище от слепого хаоса снаружи.

Они собрались вокруг, пятеро Первых. Не как стая, а как созвездие, каждая точка которого излучала собственную, непохожую энергию.

Дагрон восседал на возвышении из живого камня, приняв облик, близкий к их естественной форме, но более утонченный. Его длинная, изящная шея была изогнута в дуге вечного наблюдения. Изумрудные чешуйки на лбу складывались в узор, напоминающий карту небесных течений. Он направлял. Его мудрость была холодной, как глубины космоса, и столь же бездонной. Его хитрость заключалась не в мелких уловках, а в умении видеть систему там, где другие видели лишь хаос. Его мотив был ясен: навести порядок. Превратить бессмысленный шум вселенной в стройную симфонию, где у каждой стихии, у каждой травинки будет свое предопределенное место.

У его левого крыла, почти касаясь его, лежала Фенисания. Она была похожа на огромный, дышащий алый цветок. В ее присутствии даже воздух казался слаще, а свет — мягче. Ее глаза, цвета расплавленного золота, смотрели на собратьев не с властью, а с бесконечным состраданием. Она видела в каждом из них душу. А в мире снаружи — не врага, а больного, безумного ребенка, которого нужно исцелить. Ее доброта была источником мощи: она верила, что даже слепую ярость стихий можно убаюкать, обратить в творческое русло.

Напротив, широко расставив мощные лапы, покрытые шрамами-прожилками, сидел Игнэрион. Он был массивной, приземленной глыбой. Угрюмый на вид, он на самом деле источал грубоватое веселье. Искра в его глазах, похожих на тлеющие угли, вспыхивала, когда речь заходила о деле. Он был кузнецом в душе, и его ответственность была ответственностью мастера перед материалом. Он не говорил о «любви к миру», как Фенисания, но говорил о «качественной работе». Для него первородные стихии были браком, кривым слитком, который нужно переплавить и выковать заново.

Справа от Дагрона, в полутьме у стены, высилась фигура Тридента. Он почти не двигался, и от этой неподвижности исходила почти осязаемая мощь. Его голубая чешуя отливала сталью грозовой тучи. Вокруг его рогов тихо потрескивало статическое электричество. Он был грозен не напускной яростью, а тишиной перед ударом. Он слушал. Он был воплощением сдержанной, концентрированной силы. Его мотив был стратегическим: он мыслил как полководец. Его не интересовала философия порядка или исцеления — его интересовали точки приложения силы, слабые места в обороне хаоса, тактика боя с ураганом и цунами.

И, наконец, была Аурелия. Она парила на грани реальности. Ее желтые крылья были слегка расправлены, и сквозь них проглядывали иные пейзажи — то пустыни из светящегося песка, то леса из хрусталя. Ее невозможно было поймать взглядом надолго — он уплывал, терялся в странных узорах на ее чешуе. Она была загадкой даже для них. Ее непредсказуемость проистекала не из каприза, а из того, что она видела слишком много. Она говорила о вероятностях, о ветвящихся путях, о «тени будущего, падающей на настоящее». Ее мотив был самым сложным: она стремилась не просто изменить мир, а выбрать из мириад возможных миров тот единственный, который стоит сохранить.

— Итак, — голос Дагрона прозвучал тихо, но заполнил собой весь Зал, заглушив шелест листьев. — Мы созрели. Мы осознали себя. Мы видим болезнь. Теперь нам предстоит обсудить лечение.

— Лечение? — проворчал Игнэрион, выпустив клуб дыма. — Звучит слишком нежно. Это будет переплавка в горне. Горне войны. Ты видел этих «больных»? Гагромонт только что, на моих глазах, породил и тут же схлопнул горную цепь. Просто, потому что мог. Это не болезнь, братья и сестры. Это бракованная основа.

— Но в основе есть сила, — сказала Фенисания. Ее голос был похож на теплый ветерок. — Дикая, необузданная, но сила. Можно ли направить ее, не ломая? Не убивая? Как поток воды направляют в русло, чтобы он поливал поля, а не сносил их.

— Русло, — отчеканил Тридент. Его бас прокатился глухим эхом. — Речь идет не о направлении. Речь идет о создании русла там, где его никогда не было. Вода не захочет течь по нему. Ей придется... указать место. Силой. Я наблюдал за Талассаром. Его воля — это воля океана: все поглотить, все уравнивать. С ним не договориться. Его можно только сокрушить и на его месте установить свои законы приливов и отливов.

Все взгляды невольно обратились к Аурелии. Она молчала дольше всех.

— Сокрушить... — наконец произнесла она, и каждое слово казалось выбранным из тысячи возможных. — Это один путь. Я видела его. В нем мы побеждаем. Но в этой победе рождаются семена нового хаоса. Месть поверженных богов. Разрушенное равновесие. Есть и другие тропы.

— Покажи их, — потребовал Дагрон. Его взгляд был пристальным.

Аурелия медленно покачала головой, и в воздухе за ней на мгновение повисли призрачные, мерцающие образы: драконы, сражающиеся с ожившими горами; мир, закованный в лед; вселенная, где стихии служат, но в глазах их рабов мерцает немой ужас.

— Видеть — не значит выбирать за всех. Мой дар — не истина в последней инстанции, а карта с множеством развилок. Каждая из вас уже держит в когтях свою развилку. Дагрон видит систему контроля. Фенисания — исцеление. Игнэрион — перековку. Тридент — сокрушение. Все эти пути ведут... к разным мирам.

— Но нам нужен один мир, — жестко сказал Тридент. — И мы не можем позволить стихиям выбрать его за нас.

— Верно, — Дагрон сложил когти перед собой. — Поэтому я предлагаю не просто сражаться. Я предлагаю проект. Цель — не уничтожение Владык, а их интеграция. Подчинение высшему порядку. Мы должны создать инструмент.

В его глазах вспыхнул самый холодный и расчетливый огонь.

— Представьте сосуд, — продолжил он, — который может вобрать в себя самую сущность первородной силы. Заключить, обуздать, сделать предсказуемой. Силу поверженного Тауриса можно использовать для управления климатом. Мощь Гагромонта — для создания незыблемых континентов. Энергию Рагнароса — для вечного, контролируемого источника тепла и света. А ярость Талассара — для регулирования водных циклов.

В Зале повисло ошеломленное молчание. Даже Аурелия выглядела впечатленной масштабом и дерзостью замысла.

— Ты говоришь о создании нового сердца для мира, — прошептала Фенисания. — Но что будет с их волей? С их «я»?

— Их «я» — это иллюзия, — возразил Дагрон. — У слепой силы нет личности. Есть только функция. Мы дадим им функцию в нашей системе.

— Мне нравится, — хрипло рассмеялся Игнэрион. — Практично. Но для этого нужны тиски и молот невиданной силы. Такой сосуд... его нужно выковать из чего-то, что сильнее их.

— Его можно выковать из них самих, — сказал Тридент, и в его глазах сверкнула молния. — Первую побежденную стихию... разобрать на части и использовать ее силу как оружие против следующей. Это военная логика.

— И это создаст порочный круг насилия, — встревожилась Фенисания. — Мы станем тем, с чем боремся.

— Нет, — вмешалась Аурелия. Все снова посмотрели на нее. — Станем чем-то иным. Иным, но не менее опасным. План Дагрона ведет к миру великому и ужасному. Миру абсолютного порядка, где нет места случайности, чуду... свободе роста, которую лелеет Фенисания. Это один полюс. Другой — бесконечная война, о которой говорит Тридент. Третий — растворение и ассимиляция, о которой мечтаю я.

— Так что же делать? — прорычал Игнэрион. — Сидеть и ждать?

— Действовать, — твердо сказал Дагрон. — Но действовать, осознавая последствия. Мы начнем с плана Тридента. Нам нужно первое, решающее преимущество. Оружие. И сосуд. Мы создадим их. Вместе. А там... посмотрим, куда приведет нас эта развилка.

Он обвел взглядом собратьев.

— Мы — Первые. Наш долг — сделать выбор. Даже если этот выбор откроет дорогу не только свету, но и теням, которые мы пока не в силах разглядеть.

Совет был окончен. План, чудовищный и гениальный, был запущен в движение. В тихом, выращенном Зале родилась не только стратегия войны, но и семя всех будущих трагедий и триумфов Эпохи Драконов. Они разошлись, унося в когтях общую идею. Каждый начал обдумывать, какую цену он готов заплатить за новый мир.

ГЛАВА 2: КУЗНИЦА ИДЕЙ

Они стояли не в кузне, а на Краю Мира — выступе живого камня, выращенного Дагроном на границе стихий. Внизу, на равнине западных земель, бушевал Таурис Сокрушающий Вихрь. Это не была просто буря. Это была география безумия: горы из облаков рождались и рушились за секунды, молнии били не сверху вниз, а по спирали, высекая каменную пыль из почвы, а ветер казался плотным, словно резал сам воздух на лоскуты.

Тридент стоял неподвижно, как скала, принимая удары стихии. Его голубая чешуя покрылась инеем от ледяных вихрей, но он не дрогнул. Он оценивал врага.

— Смотри, — его голос пробивался сквозь вой, не повышая тона. — У него нет центра. Нет сердца, которое можно пронзить. Он — сам процесс. Атака — это оборона. Движение — это существование. Ты не можешь разрушить бурю, разрубив её. Ты можешь лишь перегнуть её. Или заставить сойтись в одной точке, чтобы она разорвала себя сама.

Дагрон, стоящий рядом, наблюдал иначе. Его изумрудные глаза не следили за отдельными молниями — они видели паттерны, потоки энергии, резонансные узлы в этом хаосе.

— Ты прав, — мысленный голос Дагрона был спокоен и четок. — Его сила — в распределённой неуловимости. Физический удар бесполезен. Магический барьер он изотрёт за часы. Наш щит должен быть иным. Он должен не отражать, а поглощать. Не противостоять, а включать в себя.

Они отступили в тихую сферу, созданную волей Дагрона. Шум бури стал приглушённым гулом.

— Итак, что мы имеем? — Дагрон вычертил в воздухе светящиеся схемы. — Стихия Воздуха в лице Тауриса. Её принципы: скорость, непостоянство, разрушение через кинетическую энергию и электрический разряд. Её слабость, вытекающая из силы: отсутствие твёрдого ядра, зависимость от собственного движения.

— Его сила — это его существование, — резюмировал Тридент. — Чтобы победить его, нужно обратить эту силу против него же. Поймать молнию и швырнуть её обратно в грозовую тучу. Для этого нужен проводник, способный выдержать удар и не распасться.

— И не просто проводник, — продолжил Дагрон, и его глаза загорелись. — Накопитель. Представь, Тридент... мы не просто побеждаем Тауриса. Мы захватываем саму суть его силы. Не рассеиваем, а заключаем в преднамеренно созданную форму. Эта форма станет прототипом, первым камнем в фундаменте нового мира.

Рождение концепции «Ока Разума»:

— Мой замысел таков, — Дагрон сделал жест, и светящиеся схемы сложились в образ сферы, внутри которой бушевала миниатюрная буря. — Мы создаём артефакт — ядро, «Око». Его функция — абсорбция, анализ и подчинение. Оно должно вобрать в себя первородную силу, проанализировать её хаотичную природу с помощью моего разума и наложить на неё строгий, предсказуемый алгоритм. Это будет протокол общения с хаосом. Победив Тауриса, мы поместим его сущность в «Око». Тогда сила ветра и грома станет не врагом, а ресурсом. Мы сможем направлять ураганы, контролировать грозы, использовать энергию молний. Это станет первым шагом к управлению миром.

— Ты говоришь о клетке для бога, — мрачно заметил Тридент. — Даже поверженного.

— Об инструменте, — поправил Дагрон. — Но, чтобы поместить его в эту клетку, нужен ключ. Нужно нанести удар, который не убьёт (ибо убить саму идею ветра нельзя), а локализует и сделает уязвимым. Нужно заставить бурю сконденсироваться в одну точку.

Рождение концепции «Громовой Ярости»:

— Здесь твоя область, Тридент, — Дагрон повернулся к нему. — Для локализации нужен удар такой концентрации и проникающей способности, чтобы игнорировать саму природу сти-

хии. Удар, который пронзит вихрь, минуя его бесконечную защиту из движения. Меч... который будет действовать не как лезвие, а как канал для принудительной фокусировки.

Тридент задумался. Его взгляд был устремлён в пустоту, где он видел битву.

— Меч... — произнёс он наконец. — Да. Но не для рубки. Для проведения. Он должен стать громоотводом и молнией в одном флаконе. Принять на себя всю ярость Тауриса, всю его мощь... и, не сломавшись, перенаправить её обратно, сфокусировав в острие. Чтобы пронзить не плоть, а саму связующую нить его существования.

Он сделал рубящее движение когтем.

— Он должен игнорировать защиту. Любую. И магическую, и физическую. Потому что он будет нести в себе принцип высшего приоритета — саму поглощённую волю к разрушению, которую мы обратим в инструмент порядка. Его удар будет подобен решению творца: «здесь будет тихо». И ветру придётся подчиниться.

— Но для этого, — добавил Дагрон, — клинок должен быть выкован из материала, способного вместить душу бури. Из чего?

Тридент мрачно усмехнулся.

— Из того, что останется от него. Мы используем его же силу как материал. Ты создашь «Око», чтобы поймать и обуздать. А я... мы с Игнэрионом выкуем меч из первоматерии, закалённой в его же молниях. Он станет его же вечным поражением. Но для этого... — Тридент посмотрел прямо на Дагрона, — твоё «Око» должно работать безотказно в момент финального удара. Если оно даст сбой, поглощённая ярость разорвёт и меч, и нас.

— Риск — основа творения, — холодно парировал Дагрон. — Мы создаём то, чего никогда не было. Инструменты для управления реальностью. «Око Разума» будет системой контроля. «Громовая Ярость» — инструментом принуждения. Одно без другого бессмысленно.

Они стояли молча, глядя на бушующую за пределами сферы стихию. Концепт родился. Теперь предстояла адская работа по его воплощению. Они договорились, не произнеся вслух главного: их творения будут не просто оружием, а первым актом неслыханной дерзости — попыткой смирить саму Бездну.

ГЛАВА 3: РАЗДЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ

Пока Дагрон и Тридент анализировали бурю, в Великом Зале остальные трое создавали свою карту войны.

Фенисания вырастила в центре зала цветущее дерево, чьи листья меняли цвет в такт её мыслям — от тревожного багрянца до цвета надежды.

— Они не просто враги, — говорила она, и дерево роняло серебристую пыльцу. — Они симптомы. Мир болен лихорадкой, и эти Стихии... Можно сбить температуру, но если не лечить причину... Мы должны думать не о том, как их заковать, а о том, как вернуть миру равновесие. Чтобы стихии служили жизни, а не душили её.

Игнэрион сидел у плоского базальтового камня, который сам притащил и назвал накопальной. Он ворчал, постукивая когтем.

— Равновесие, хм. Хорошая штука. Но чтобы его добиться, нужен рычаг. И прочная точка опоры. Наши любимые «симптомы» — они и есть та самая болезнь. Гагромонт? Он не просто трясёт землю. Он не даёт ей успокоиться, стать фундаментом. Для фундамента нужна стабильность. А Рагнарос? Огонь должен гореть в очаге, давать свет и тепло, а не бегать по полям, как бешеный зверь. Их не вернёшь в равновесие уговорами. Их нужно перенастроить. Для этого нужен молот и форма для отливки.

Он посмотрел на Аурелию, которая парила у самого купола. Её крылья отбрасывали на пол движущиеся тени-глифы.

— А ты что видишь в своих трещинах реальности, провидица? Какой путь самый экономный? — спросил он с грубоватой прямоотой.

Аурелия спустилась ниже. Её голос звучал отстранённо, будто она начитывала текст из очень далёкого будущего.

— Я вижу лес путей, где корни — наши решения, а кроны — миры, которые из них вырастут. Путь Дагрона и Тридента ведёт к цитадели из хрусталя и молний. Мощной, прекрасной, незыблемой. Но в её подвалах вечно воет запёртый ветер. Путь сердца, Фенисания, ведёт к саду, где даже камень цветёт. Но сад этот хрупок, и первые же заморозки могут погубить его. Твой путь, Игнэрион, — путь моста из титана, переброшенного через пропасть. Прочного, но безжалостного к тому, что не вписывается в чертёж.

— А твой? — мягко спросила Фенисания.

— Мой... — Аурелия на мгновение сомкнула веки, и по стенам пробежали вспышки призрачных ландшафтов. — Мой путь — растворение границ. Не заточить стихию, а договориться с её паттерном, вплести его в общий узор так, чтобы она и не заметила потери свободы. Но это требует времени. А его у нас может не быть. Пока мы ткём гобелен, буря сорвёт нам крылья.

— Значит, нужен компромисс, — заключил Игнэрион. — Тридент и Дагрон куют меч и клетку. Это наш острый конец. Нам же нужно продумать «после». Что делать с поверженным, когда он в клетке? Как переплавить? Как вплести? Мы должны создать свои инструменты. Не для захвата, а для преобразования.

Фенисания кивнула, и на древе распустился новый цветок, похожий на чашу.

— Я буду думать о сосуде для жизни. Если сила стихии будет захвачена, её можно попытаться оживить. Наделить иным смыслом. Огонь — не только разрушение, но и тепло очага. Земля — не только землетрясение, но и колыбель для корней. Для этого нужен фокус, точка приложения... ритуал.

— А мне нужна защита, — отчеканил Игнэрион. — Не щит, который сломают, а доспех, который станет частью того, кто его носит. Чтобы выстоять в сердце извержения или под давлением целой горы. Чтобы дать нам время на твои ритуалы и плетения. Я выкую такую броню, что сам Гагромонт сломает об неё когти. Но... — он хмуро посмотрел на свои лапы, — для неё

нужен материал. Такой, которого нет. Такой, который может родиться только в самом пекле или в самых глубоких недрах.

В этот момент в Зал вернулись Дагрон и Тридент. Воздух сгустился от их решимости.

— Мы идём на восток, — без предисловий объявил Дагрон. — Наши концепты требуют материалов, которых нет в мире порядка. «Оку» нужна незыблемая основа, ядро, способное выдержать хаос. Мечу — металл, рождённый в недрах, который сможет провести через себя ярость грома, не испарившись.

— Вы говорите о царствах Рагнароса и Гагромонта, — поняла Фенисания, и в её голосе зазвучала тревога. — Это безумие. Идти туда вдвоём, без плана...

— План есть, — перебил Тридент. Его голос был спокоен, как озеро перед штормом. — Мы не пойдём сражаться. Мы пойдём красть. Игнэрион, твоя «защита»... тебе тоже понадобится металл из самого сердца земли. Идём с нами.

Игнэрион усмехнулся, и в его глазах вспыхнул азарт кузнеца, увидевшего редчайшую руду.

— Красть у двух Владык сразу? Веселая прогулка. Я в деле. Мне нужна сердцевина звездного металла, если такая есть, или то, что Гагромонт родил в своих глубочайших пластах под давлением целого мира.

— А мы, — сказала Аурелия, спускаясь к ним, — пока вы будете рисковать шкурами, подготовим почву. Фенисания будет работать над ритуалом одушевления захваченной силы. Я попробую вычислить момент наименьшего сопротивления для каждого из Владык, точку в пространстве-времени, где их мощь на миг фокусируется или ослабевает. И подумаю над инструментом, который мог бы обмануть саму реальность, чтобы выиграть нам критическое мгновение в битве.

Дагрон одобрительно кивнул. Стратегия обретала форму.

— Хорошо. Мы разделяемся. Мы — копье и рука, что его держит. Вы — щит, исцеление и взгляд, видящий уязвимость. Действуйте. Когда мы вернёмся с материалами, начнётся настоящая работа. Кузница мира ждёт своего горна.

Трио искателей — Дагрон, Тридент и Игнэрион — обменялись кивками с дуэтом стратегов — Фенисанией и Аурелией. Не было слов напутствия. Было понимание: каждый идёт на свой фронт этой немислимой войны.

ГЛАВА 4: ПОЛЕТ В ЭПИЦЕНТР ССОРЫ БОГОВ

Восточный континент с высоты напоминал незаживающий шрам на лице мира. Здесь не было буйства красок, как на западе у Тауриса, или первозданной синевы вод Талассара. Здесь царили два цвета: киноварь и базальт.

Слева, в Чаше Вечного Пламени, бушевал Рагнарос. Его форма была подобна извержению, застывшему в ярости — гигантская, копошащаяся фигура из магмы, камня и чистого огня. Каждое его движение рождало новые реки лавы. Они выползали из чаши, жадно лизали равнину, превращая её в чёрное стекло, и тут же застывали под леденящим взглядом противника.

Справа, вздымаясь неестественными острыми пиками, высился Гагромонт. Это был не горный хребет, а часть самого Владыки Земли — его конечность, доспех, оружие. Камни здесь не лежали — они росли, наступая на потоки лавы, с грохотом ломались и вновь сплавлялись под незримым давлением. Гагромонт не извергал пламя. Он давил. Его сила была тихой, неумолимой и всесокрушающей. Лавовые реки натывались на внезапно вырастающие каменные плотины, вздымались фонтанами и застывали новыми башнями в его крепости.

И они спорили. Не словами — действиями.

Рагнарос выстреливал ядром жидкого огня размером с холм в скалу, которую Гагромонт только что воздвиг. Камень плавился, но не отступал.

Гагромонт в ответ заставлял землю треснуть под самым краем Чаши Пламени, пытаясь обрушить её края в недра и задуть огонь весом целого континента.

Воздух дрожал от гула — рокот землетрясений сливался с шипением испаряющейся породы и глухими взрывами подземных газов.

Три дракона замерли на безопасной (как им казалось) высоте, наблюдая.

— Идиллия, — хрипло пробурчал Игнэрион, шурясь от жары и летящей пыли. — Два упрямых деда делят огород. Только огород — полконтинента.

— Идеально, — сказал Дагрон. Его аналитический ум уже работал на пределе. — Их внимание полностью приковано друг к другу. Их ярость сфокусирована на противнике. Они не ищут воров. Они ищут слабинку в обороне друг друга.

— Слабинку? — Тридент следил за траекторией очередного огненного шара. — У них нет обороны. Только атака друг на друга. Но попасть между молотом и наковальней... — Он не договорил. Риск был ясен. Одна ошибка — и их либо сплющит каменной лавиной, либо испепелит рекой магмы.

— Наша цель не здесь, на поверхности, — указал Дагрон когтем в самое пекло. — Материал для «Ока». Ему нужна стабильность, способность выдерживать энтропию. Такой материал может родиться только в точке равновесия их сил, где огонь Рагнароса и давление Гагромота встретятся и на миг нейтрализуют друг друга, создав нечто третье.

— Сердцевина, — прошептал Игнэрион, и в его глазах загорелся огонь, похожий на раскалённый металл. — Стальное ядро. Рождённое в самом горне мира, под самым тяжёлым молотом. Да, Дагрон. Я понимаю. Но эта точка будет подвижной. Как найти её?

— Мы не найдём, — сказал Тридент. — Мы спровоцируем. Нам нужно заставить их ударить в одно место с максимальной силой одновременно. Столкнуть лбами так, чтобы в точке столкновения родился нужный нам сплав. Побочный продукт их гнева.

План был безумен. Иного пути не было.

— Игнэрион, — распорядился Дагрон. — Твоя задача — когда удар случится, нырнуть в эпицентр и извлечь сердцевину. У тебя есть мгновения, пока материал не остынет или не будет раздавлен новым движением. Тридент прикроет тебя от случайных выбросов. Я буду координировать и попытаюсь подсказать им, куда бить.

— Подсказать? Как? — удивился Игнэрион.

— Создав мишень, которую они оба захотят уничтожить, — холодно ответил Дагрон. — Нечто, что покусится на территорию их спора. Нечто чужеродное. Я создам иллюзию. Маленький, но наглый островок порядка прямо между ними. Они не потерпят его.

Тридент кивнул, оценивая диверсионную часть плана.

— Я обеспечу «гром». Чтобы привлечь их взгляды в нужный момент. И буду готов парировать, если один из ударов пойдёт не туда. Летите. Начинаем.

Действие разворачивалось с невероятной точностью:

Дагрон, используя всю мощь своего разума, сплел из эфира и пыли гигантскую, сверкающую геометрическую фигуру — кристаллический мост, который начал медленно опускаться между Чашей Пламени и Спинозой. Он был красив, гармоничен и абсолютно чужд хаосу. Это была прямая пощёчина обоим Владыкам.

Эффект оказался мгновенным. Рёв Рагнарора слился с глухим стоном Гагромонта. Оба восприняли мост как вторжение третьей силы, как попытку отнять их спорную землю. Их ярость, до этого направленная друг на друга, на секунду объединилась против общего «врага».

Тридент в эту секунду обрушил в основание иллюзорного моста собранный за время полёта заряд чистой энергии грома — не для нанесения урона, а как звонкий хлопок. Это был сигнал к атаке.

И они ударили. Столп пламени от Рагнарора и шип каменных игл от Гагромонта сошлись точно в центре моста Дагрона. Иллюзия с треском рассыпалась, но в точке столкновения двух первородных сил произошло немыслимое: огонь, достаточно горячий, чтобы плавить материю, и давление, достаточно сильное, чтобы сжимать её в нейтронную звезду, на миг сравнялись.

В эпицентре, в сияющем белым светом шаре, родилась капля металла. Не лавы, не камня. Абсолютно нового, тёмного, невероятно плотного вещества. Ядро будущего «Ока» и руда для «Несокрушимой Брони» в одном флаконе.

Сейчас! — мысленно крикнул Дагрон.

Игнэрион ринулся вниз, игнорируя ослепляющий свет и волну сжатого воздуха. Его когти, усиленные магией кузнеца, схватили раскалённый докрасна, но уже твердеющий шар размером с его голову. Боль пронзила его, но он стиснул челюсти.

В этот момент равновесие рухнуло. Объединённый гнев стихий рассеялся, и Рагнарор с Гагромонтом, обнаружив, что «враг» исчез, с новой силой обрушились друг на друга. Тридент принял на себя удар осколка скалы, отброшенного взрывом, заслонив Игнэриона своим крылом.

— ВОЗВРАЩАЕМСЯ! — проревел Тридент, и трое драконов, едва не задеваемые новыми выбросами лавы и летящими обломками, рванули вверх, к относительной безопасности небес.

Игнэрион прижимал к груди трофей. Металл жёгся даже сквозь магическую защиту, но в его сердце пела радость мастера, нашедшего идеальный материал.

— Получилось... — хрипел он. — Чертова удача. Они выковали для нас основу сами.

— Не удача, — поправил Дагрон, глядя на бушующий внизу ад. — Расчёт. Они слепы в своей ярости. Мы использовали их главную слабость — эгоистичный гнев. Теперь у нас есть сердце для инструментов. И важное знание.

— Какое? — спросил Тридент, отряхивая чешую от каменной пыли.

— Что их можно сравливать. Что их союз невозможен. Что в мире есть сила, которая для них ненавистнее друг друга — сила порядка, разума, чуждого их хаосу. Запомните этот момент. Это наше оружие.

Три Первых дракона уносили в когтях сердце будущего «Ока». Они только что обманули двух богов. Они чувствовали вкус победы. Но Летописец знает то, чего не знали они: обманутый бог — это бог, который запоминает обиду. Каждый камень, вырванный из плоти Гагро-

монта, каждая искра, украденная у Рагнароса, — это долг. И рано или поздно этот долг потребуют вернуть с процентами. Они улетали, не оглядываясь. А позади них два титана продолжали свою вечную, бессмысленную драку, даже не подозревая, что только что подарили врагу ключ к своей клетке.

ГЛАВА 5: КУЗНИЦА МИРА

Они вернулись в Выросший Зал. Теперь это место было не убежищем, а лабораторией, напряжённой тишиной перед битвой.

Игнэрион с благоговением опустил на каменный пол тёмное, всё ещё излучающее жар ядро. При свете Зала оно оказалось не чёрным, а глубоко-багровым с серебристыми жилками, словно застывшая вселенная в миниатюре.

— Вот оно, — его голос звучал с непривычным трепетом. — Сердце мира, рождённое в ссоре богов. Оно выдержит всё. Оно станет основой.

Дагрон приблизился, изучая структуру.

— Идеально. Его стабильность — прямое следствие противодействия двух хаотических сил. Хаос, доведённый до предела, породил абсолютный порядок на самом глубинном уровне. Это станет несущей матрицей для «Ока».

Тридент лишь кивнул, его мысли уже были у меча. Но прежде все выслушали отчёты.

Фенисания рассказала о своём концепте: «Ритуал Перерождения». Она вырастила из семени, принесённого ветром, хрустальное древо-реторту. Оно должно было вобрать захваченную силу стихии и, подпитывая её собственной магией жизни, переплавить в нечто служащее миру — тёплый ветер, плодородный ил, мягкий свет.

— Но для ритуала нужна точка абсолютной уязвимости стихии и... жертва. Часть моей собственной жизненной силы станет катализатором изменения.

Аурелия парила над своим творением. Это был не предмет, а замысловатый узор, вытканый из света, тени и сломанных часовых стрелок, парящий в воздухе. Он постоянно менялся, но в его центре угадывалась форма кольца.

— Я назвала его «Осколок Вечности», — её голос звучал отрешённо. — Он не для сражения. Он для корректировки вероятности. Он сможет локально воздействовать на поток времени: замедлить, остановить на мгновение, отмотать назад на считанные секунды. Достаточно, чтобы парировать невозможный удар, оказаться в нужной точке или повторить неудачную попытку.

Она сделала паузу, и в её глазах отразилась тяжесть знания.

— Но время не продаётся дешево. Для смертного каждое использование будет стоить минут, часов, лет жизни. Для нас, бессмертных... плата иная. Кольцо будет потреблять часть нашей связи с непрерывным «сейчас». Слишком частое использование может выпасть нас из времени, сделать призраками в собственной реальности. И оно бессильно против истинного воскрешения. Время можно отмотать, но не переписать кардинально.

В Зале повисло тяжёлое молчание. Каждый артефакт был не просто оружием, а пактом с опасной силой, имеющим свою цену.

— Тогда мы знаем свои роли и свои инструменты, — подытожил Дагрон. — Пора творить.

Ковка «Несокрушимой Брони»

Игнэрион не разжигал горн. Его горном стало собственное внутреннее пламя, сконцентрированное в чреве. Он взял часть ядра, и под давлением его воли и жара металл начал течь, как вода. Он не ковал в привычном смысле — он лепил, словно скульптор, придавая материалу форму нагрудной пластины. Но это была не просто пластина. Это была вторая кожа, усиленная магией абсолютной целостности. Он вплетал в неё заклятья, суть которых сводилась к одному: «То, что едино, не может быть разбито».

Готовый доспех был грозно-прекрасен: тёмный, почти не отражающий свет, с живым, мерцающим узором, повторяющим его собственную чешую. Но все чувствовали исходящую от него тяжёлую, немую мощь — обет неподвижности и вечной несменяемости.

Рождение «Громовой Ярости»

Для меча потребовалась иная техника. Тридент вложил в остаток ядра концепт непоколебимого удара, саму идею «пронзания». Игнэрион вытягивал металл в клинок, закаляя его не в воде, а в сгустках магической энергии Тридента, имитирующих удар молнии. Каждая «молния» оставляла на тёмном металле перманентный, трепещущий синий след.

Клинок получился массивным, тяжёлым — воплощением силы. Острие казалось не просто острым, а отсутствующим в обычном понимании пространства: точкой, где материя прекращает сопротивляться. Тридент, взяв его в лапу в первый раз, почувствовал, как меч жадно потянулся к его собственной силе грома, требуя подпитки, но обещая взамен абсолютное преобладание к любой защите.

Создание «Ока Разума»

Это был самый тихий и сложный процесс. Дагрон не ковал. Он осуществлял. Оставшуюся, самую стабильную часть ядра он поместил в центр сложнейшей многослойной сферы, сплетённой из застывшего света, магических формул и фрагментов реальности. «Око» напоминало идеальный хрустальный шар, внутри которого медленно вращались геометрические фигуры. Его задача была не воевать, а понимать, подчинять, систематизировать. Дагрон заложил в него протоколы для анализа любой чужеродной энергии и наложения на неё структурирующих алгоритмов. Это был мозг будущей операции — холодный, расчётливый и абсолютно безэмоциональный.

Завершение «Осколка Вечности»

Пока другие работали с материей, Аурелия работала с понятием. Её парящий узор наконец схлопнулся, сжался в кольцо из бледного, почти белого золота, внутри которого переливалась странная, не то жидкость, не то туманность. Кольцо не выглядело могущественным. Оно выглядело хрупким и чужим.

Когда Аурелия надела его (оно само подстроилось под размер её когтя), воздух вокруг задрожал. На миг показалось, что тени в Зале замерли, а звук работы Игнэриона растянулся в низкий, тягучий гул. Она тут же сняла кольцо, и всё вернулось в норму. Цена была ощутима даже в этом кратком испытании — лёгкая, едва уловимая отстранённость в её взгляде, будто она на секунду увидела Зал со стороны, из далёкого будущего.

Готовые артефакты лежали перед ними, излучая тихую, грозную мощь. Они были прекрасны и ужасны.

— Мы создали ключи, — сказал Дагрон, глядя на свои творения. — Ключи от клеток для богов. Теперь нам нужно поймать зверей и загнать их внутрь.

Из описанного мной, я могу подвести итоги:

Цель №1: Таурис. Испытание «Громовой Ярости» и «Ока» в реальном бою. Тактика: фокусировка и захват.

Цель №2: Талассар. Использование «Осколка Вечности» для создания решающего мгновения. Тактика: временная ловушка и точный удар.

Восточный фронт (Рагнарос и Гагромонт): Отложен. Требуется отдельной, многоходовой стратегии с участием всех артефактов.

Они стояли вокруг своих творений — не просто союзники, а команда специалистов, создавшая уникальный, смертоносный инструмент для перекраивания реальности. Следующий шаг — война. И они были готовы заплатить за новый мир ценой, которую только что создали своими же руками. Ценой, полную меру которой им ещё предстояло узнать.

ГЛАВА 6: ВОПРОС, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАДАН ПЕРВЫМ

Артефакты были готовы. Планы выверены. Тишина перед битвой висела в Зале тяжёлым, но решительным покрывалом. Они уже собирались разойтись для последних приготовлений, когда голос Фенисании прозвучал с неожиданной мягкостью и неотвратимостью, заставив всех застыть.

— Подождите, — сказала она. И это была не просьба, а необходимость. — Прежде чем мы возьмём в лапы орудия разрушения и пойдём навязывать миру свой порядок... я должна задать вопрос. Вопрос, на который нужен ответ всех.

Она обвела взглядом собратьев. В её золотых глазах светилась не тревога, а глубокая, материнская серьёзность.

— Мы идём умирять бури, чтобы земля успокоилась. Мы идём укрощать океан, чтобы появились берега. Мы говорим о запечатывании огня и земли, чтобы создать стабильность. Для чего? Чтобы пятеро из нас правили безмолвными, пустынными континентами? Чтобы наш порядок был порядком могильщиков?

Она сделала паузу, позволяя вопросу проникнуть в самую суть.

— Что будет после победы? Когда ветер станет ласковым, а земля — твёрдой. Кто будет ходить по этим землям? Кто будет радоваться солнцу, которое мы укротим? Кто будет петь песни о нашем подвиге или, что важнее, просто жить в мире, который мы вырвем из когтей хаоса?

Реакции были мгновенными и разными.

Игнэрион хмыкнул, постучав когтем по нагруднику новой брони.

— Последствия? Фени, мы ещё не выиграли, а ты уже загадываешь, кто будет жить в доме, который мы даже не начали строить. Сначала фундамент. Потом стены. А уж потом думаем о жильцах.

Тридент слушал молча, его взгляд был прикован к «Громовой Ярости».

— Порядок — не награда для жильцов, Фенисания. Это условие выживания. Сначала мы обеспечим условие. Потом... посмотрим, кто его выдержит. Если появятся существа, достойные этого мира, — хорошо. Если нет... мир от этого не станет менее упорядоченным.

Дагрон наблюдал за ней с холодным, аналитическим интересом.

— Ты задаёшь стратегический вопрос о долгосрочных ресурсах и управлении. Твоя гипотеза: населённый мир более стабилен и эффективен, так как обладает внутренними механизмами саморегуляции и развития. Интересно. Однако создание населения — новый, непредсказуемый фактор. Новые воли. Новые источники хаоса. Нужны строгие протоколы, иерархия, контроль. Если мы создадим жизнь, мы должны быть готовы управлять ею.

Их ответы были такими же, как и они сами: прагматичный, милитаристский, системный. Все трое смотрели на жизнь как на потенциальную проблему или инструмент.

Тогда заговорила Аурелия. Она смотрела не на Фенисанию, а сквозь неё — на призрачные тени возможных будущих.

— Она права, — тихо сказала Аурелия. Все взгляды обратились к ней. — В ветвях времени я вижу миры. Миры, где мы победили и остались в гордом одиночестве. Они застывают. Порядок без жизни становится красивой, хрупкой и мёртвой. Она ломается от первого же толчка извне, потому что некому её чинить и некому защищать. Другие миры... где жизнь кишит. Она непредсказуема. Она шумная, грязная, порой глупая. И невероятно живучая. Она заполняет пустоты, находит новые пути, растёт. В этих мирах наше наследие — не просто артефакты в пустом Зале, а легенды в сердцах существ, которые называют этот мир домом.

Фенисания кивнула, и её взгляд благодарности скользнул по Аурелии.

— Я не говорю о немедленном заселении. Я говорю о намерении. О цели. Мы воюем не просто чтобы выжить. Мы воюем, чтобы дать жизнь чему-то помимо себя. Это может быть наш собственный род. Наши дети. Или иные существа, которые родятся из магии этого нового, успокоенного мира. Но если у нас нет этого намерения... тогда мы воюем просто ради власти. Ради того, чтобы стать новыми Владыками вместо старых. В этом нет той красоты, ради которой стоит жертвовать.

В Зале повисла напряжённая пауза. Она затронула самую суть их идентичности: они творцы или завоеватели?

— Твоя «красота» может стать нашей слабостью, — наконец произнёс Тридент, но в его голосе уже не было прежней железной уверенности. — Привязанность отвлекает. Ответственность обременяет.

— Или даёт силу, которую не понять одиночке, — мягко парировала Фенисания. — Представь, Тридент, что однажды не ты один будешь охранять покой морей. Что у тебя будут наследники. Те, кто продолжит твоё дело, даже когда тебя не станет. Чьи сердца будут биться в такт твоим громам.

Эта мысль, казалось, на мгновение ошеломила даже его.

— Обсуждение философское, но время — ресурс конечный, — вернул всех к реальности Дагрон. — Однако точка Фенисании принимается к сведению как стратегический актив. Населенные, лояльные территории обладают большей устойчивостью и могут служить буфером, источником магической поддержки и живым щитом, если потребуется. Прагматический довод в пользу твоей «красоты».

Игнэрион засмеялся, но теперь в его смехе было меньше сарказма и больше удивления.

— Значит, после кузницы — детская? Ладно. Если мы выживем и выкуем этот мир... почему бы не выковать и кого-то, кто будет в нём жить. Моя броня защитит и их тоже.

Фенисания улыбнулась — первой по-настоящему светлой улыбкой за долгое время.

— Спасибо. Это не решение. Это обещание, данное самому себе. Обещание, что мы сражаемся за, а не просто против. Теперь, — она выпрямилась, и её доброта внезапно обрела твёрдость стали, — теперь можно идти в бой. Потому что мы знаем, что оставляем позади.

Они разошлись, унося с собой не только артефакты, но и эту новую, тревожную и прекрасную мысль. Война обрела высший смысл, выходящий за рамки их собственного бессмертия. Теперь они сражались не просто за выживание или власть. Они сражались за будущее, которое будет жить без них.

И это делало их сильнее и уязвимее одновременно. Теперь им было что терять. Теперь у них появилось что защищать, даже если этого «что-то» ещё не существовало.

Они только что решили, что будут сражаться не за пустоту, а за жизнь. Что их победа должна иметь наследников. Что они готовы платить за будущее. Красивые слова. Сильные слова. Но обещания, данные в тишине Зала, редко переживают первую встречу с реальностью.

ГЛАВА 7: ДЫХАНИЕ ВЕТРА И ЯРОСТИ

Эту главу я восстанавливал дольше всего. От моего предшественника, старого архивариуса по имени Торвальдерон, остались лишь обрывки записей: три страницы, прожжённые по краям, и один кристалл памяти, который потускнел от времени. Торвальдерон не был очевидцем битвы — он слышал о ней от своего наставника, а тот — от другого, и так далее, через семь поколений Летописцев.

То, что вы прочтёте ниже, — моя реконструкция. Я соединил обрывки, додумал детали и позволил себе немного художественного вымысла там, где факты утрачены безвозвратно. Если я ошибся в подробностях, пусть великие тени Первых простят мне эту дерзость.

Откровение Ветра (Год Первый)

Сначала пришёл гул. Не звук, а давление на мироздание — глубокий, субтотальный стон, от которого в скалах просыпались древние трещины, а вода в горных чашах покрывалась нервной рябью. Они поднялись в небо — пять сияющих точек против закатного багрянца, уверенные в силе своих когтей и блеске своих артефактов.

Они были Первыми. Создателями. Как они могли предположить, что творение способно взглянуть на них пустыми глазами урагана и не узнать в них хозяев?

Западные земли встретили их не воздухом, а ножом. Ветер здесь не обтекал — он резал. Каждый порыв был отточен, каждое дуновение несло в себе ледяное презрение ко всему, что имело форму и имя. Облака, похожие на клочья окровавленной ваты на багровом небе, не плыли — их рвали в клочья невидимые когти, закручивали в немыслимые спирали и швыряли в пропасти небытия.

А в центре, на месте, где сходились все линии бури, он явился. Не родился и не создан. Он просто был, как была пустота между звёздами. Таурис. Не тело, но вопль. Смерч, вплетённый в грозу, опоясанный ореолом алмазной пыли, сверкающей молниями изнутри. Два гигантских ока — зелёных, как фосфор, и слепых, как само пространство — медленно поворачивались в этой каше света и тьмы, ища.

Нашёл.

«МОИ ВЕТРА ПРИНЕСЛИ ЗАПАХ, — голос пришёл не через уши, а через кости, через душу. Он был многослойным адом: скрип ломающегося континента, свист вакуума, всасывающего жизнь, и под ним — ледяной, безразличный бас. — ЗАПАХ ПЛОТИ. ОНА КИШИТ. ОНА ХРУСТИТ».

Он не ударил. Он вздохнул.

Пространство перед ними схлопнулось и выпрямилось. Это не было магией — это была перемена состояния мира. Волна сжатого до твёрдости адаманта воздуха ударила в них, как божья длань, швыряющая игрушки.

Тридент, могучий повелитель грозы, издал хриплый крик, и «Громовая Ярость» выскользнула из его ошеломлённых когтей. Меч, падая, прочертил в небе дугу чистой энергии и вонзился в скалу далеко внизу. Земля вздрогнула, и от точки удара побежали трещины — чёрные, как пропасть, сияющие изнутри голубым зарядом. Первая рана мира. След, который не затянется никогда.

Дагрона отбросило, как пушинку. «Око Разума» в его лапах вспыхнуло ослепительной болью, выжигая узор прямо на его чешуе. Он не видел, не слышал — он чувствовал, как холодная логика артефакта столкнулась с абсолютным, бессмысленным хаосом, и логика дала трещину.

Отступление не было тактическим. Это был животный ужас. Они падали, кувыркаясь в бешеных потоках, цеплялись за скалы, уже плавящиеся от трения воздуха, уползали в самое нутро гор. Там, в темноте, под колышущимся куполом защитных чар Дагрона, они впервые за

всё свое существования узнали вкус собственной крови, страха и полного, всепоглощающего бессилия.

Первый год закончился. Они не сражались. Они прятались. Из щели в скале они наблюдали, как Таурис играет. Как он сдирает с гор кожу, обнажая блестящие кости гранита. Как он поднимает целые рощи тысячелетних дубов, крутит их в своём вихре, пока от них не остаётся лишь щепы, и затем вплетает эту щепу в новые, чудовищные узоры своих облаков. Он был скульптором, а материей служила сама реальность. Они были для него не врагами, а пятнышком пыли на мраморе, которое вот-вот сдует.

Отчаяние — мать тактики. Аурелия, чьё восприятие было распаханно в четвёртое измерение, первой увидела ритм в безумии. Используя «Осколок Вечности», она могла, ценой капли собственного времени жизни, на миг остановить пылинку в сердце вихря и изучить её дрожь. Она обнаружила пульсацию — гигантскую, растянутую на месяцы, сердцебиение шторма. В ней были узлы, точки схождения силы. Слабые места в теле бога.

Так родилась «Тактика Иглы». Уколоть и изучить реакцию.

Вылазка Огня и Грома (Третий год)

Игнэрион, чья «Несокрушимая Броня» сияла в темноте укрытия мрачным, выстраданным блеском, и Тридент, чей меч теперь вечно гудел от неутолённой ярости, вышли в смертельную зону. Их цель — резонансный узел, трепещущий, как натянутая струна, на окраине владений Тауриса. Тридент, с кличем, в котором смешалась вся ярость прошедших лет, вонзил «Громовую Ярость» в сердце мини-смерча. На миг мир замер. Молнии застыли, как стекло. А потом... внимание. Любопытство огромного, спящего зверя, которого укололи булавкой.

«А... ЖАЛО? — пророкотало небо. — МОЖЕТ БОЛЬНО УКОЛОТЬ?»

Ответом был жест. Таурис не атаковал — он провёл линию. Тончайшая струя сжатого воздуха, невидимая и абсолютная, пересекла пространство. Гора Зуб Аракса, простоявшая миллион лет, тихо, почти вежливо, раскололась пополам. Разрез был идеально гладким, сияющим. Игнэрион, принявший на свою спину остаточную волну, услышал звук, от которого кровь стыла в жилах: долгий, высокий скрип его собственной брони. На левой наплечной пластине, там, где раньше был лишь алхимический узор, теперь зияла глубокая, мерзкая борозда. Она не светилась. Она поглощала свет. Первая рана бессмертного. Они отползли, неся с собой не победу, а страшное знание: бог может быть ранен. И его раны — это шрамы на лице мира.

Жертва Жизни (Пятый год)

Фенисания не могла больше смотреть. Её сущность, сама сила роста и исцеления, стояла при виде этого бесплодного, стерильного безумия. Она вышла на открытое плато, игнорируя крики Дагрона. Подняла морду к неистовому небу и запела песню. Древнюю, колыбельную жизни. Из её пасти полился свет — тёплый, медовый, пахнущий влажной землёй, первым дождём и молоком. Он потянулся к вихрю.

Таурис вдохнул его. На мгновение ярость утихла. Вихрь замедлился, окрасился в золотистые тона заката. Казалось, чудо свершилось. А потом бог содрогнулся. Как желудок, в который попало ядовитое, но сладкое вещество. И изрыгнул. Волна энергии, вернувшаяся к Фенисании, была уже не жизнью, а её чудовищным распадом. Трава у её ног зацвела, состарилась и рассыпалась в пыль за один вздох. Цветы умерли, не успев раскрыть бутоны. Сама Фенисания вскрикнула — коротко, по-детски беспомощно — и упала на колени. Когда она подняла голову, союзники ахнули: великолепная алая чешуя вокруг её глаз и на висках стала тускло-серебристой, цвета пепла и забытых надежд. Она отдала не магию. Она отдала кусочек своей вечности. И поняла: его нельзя исцелить. Его можно лишь усыпить на время, предложив ему иллюзию жизни, которую он тут же отравит.

Голод Разума (Постоянно)

Дагрон почти перестал спать. Он сидел в каменной келье, которую сам себе выжег в сердце горы, уставившись в пульсирующее «Око Разума». Артефакт жадно поглощал рассеян-

ную энергию хаоса, и с каждым месяцем он менялся. Его свет стал холоднее, глубже. В его глубине теперь плавали, как в аквариуме, микроскопические вихри — пленённые образцы ярости Тауриса. Дагрон изучал их. Говорил с ними. Его собственный разум, отточенный и гордый, начинал перенимать их холодную, безэмоциональную геометрию. Он рисовал в воздухе рунами всё более сложные схемы — не планы атаки, а чертежи тюрьмы.

— Мы не убьём его, — шептал он однажды ночью, и его голос был похож на скрип льда. — Мы воплотим. Возьмём его силу. Сделаем её фундаментом. Порядок из хаоса. Разум из ярости.

В его глазах, отражавших холодный свет «Ока», горел уже не огонь дракона, а стабильное, неумолимое пламя расчёта.

Дагროнова спираль (Годы седьмой-десятый. Финальная кампания)

К десятому году Западные земли были мертвы. Родился новый ландшафт — Стеклянные степи. Бескрайние равнины спекшегося песка, гладкие, как зеркала, и холодные, как космос. По ним гуляли лишь призрачные бризы — эхо ярости Тауриса, застывшие в вечных, немых танцах. Гул стал частью тишины. Они приспособились к нему, как к биению сердца. Они были изношены, поседели душой, но не сломлены. Они стали специалистами по апокалипсису.

Дагрон, чьё сознание теперь было гибридом дракона и вычислительного кристалла, представил финальный план. Он назвал его «Спираль Дагрона». Не пробивать стену, а закручивать воронку в саму себя, используя энергию врага как рычаг. Для этого требовалось три дня абсолютной, безупречной синхронности. Три дня на острие бритвы.

День Первый. Приманка для Бога. Тридент и Игнэрион вышли на открытое пространство. Их покрыли руны маскировки, выжженные на чешуе раскалённым «Оком» — они должны были казаться Таурису не драконами, а двумя бунтующими, мощными вихрями, достойными его внимания. Они не атаковали. Они провоцировали. Изрыгали вызовы, били мечом и когтями в само небо, притягивая к себе слои ярости. Таурис отозвался. Его внимание, рассеянное по континенту, стало сгущаться в их секторе. Давление возросло в тысячу раз. Воздух стал жидким свинцом. Игнэрион стоял, как скала, и его «Несокрушимая Броня» под ударами небесных молотов звенела протяжным, похоронным звоном, который был слышен даже в их далёком укрытии. Каждый удар оставлял новую вмятину, новый шрам. Он не отступал ни на шаг. Он был наковальней, о которую должен был разбиться молот.

День Второй. Плетение Сети. Пока двое оттягивали на себя ярость, Аурелия работала. С «Осколком Вечности» на когте она выписывала в атмосфере узоры, невысказанные для трёхмерного существа. Она создавала точки анти-времени, карманы обратной инерции. Попадая в них, бешеный поток ветра вдруг замирал, терял направление или начинал течь вспять, сталкиваясь с самим собой. Это была титаническая работа. К полудню у неё пошла носом кровь — тёмная, почти чёрная. К вечеру перья вокруг её светящихся глаз потускнели и начали осыпаться, обнажая кожу, покрытую тонкой паутиной морщин. Она жгла своё будущее, чтобы сплести ловушку для вечного настоящего бога-бури.

День Третий. Иллюзия и Падение. На рассвете третьего дня, когда напряжение достигло пика и казалось, что сама реальность вот-вот лопнет по швам, вышла Фенисания. Она знала, что это её последний акт в этой войне. Она встала в центре сплетённой Аурелией сети, на ещё не остывшем стекле равнины, и раскрылась. Не как воин. Как жертва. Как приманка. Всей оставшейся силой, всей болью, всей тоской по утраченной гармонии она создала не заклинание, а видение. Перед слепыми очами Тауриса вспыхнуло второе солнце. Не яростное, а живое. Пульсирующее теплом, цветом, запахом первозданного леса, шумом рек, которых не было. Это был чистый, ничем не разбавленный инстинкт жизни — то, чего в равнодушном хаосе Тауриса не существовало никогда.

Бог потянулся. Его рассеянное сознание, привлечённое этим невысказанным, чуждым сиянием, стало стягиваться в одну точку. Вихри схлопывались, слои атмосферы уплотнялись. В

центре неба, над головой Фенисании, родилось ядро — сгусток невероятной мощи, слепой, но на миг обретший форму. Сверкающий шар сдавленного безумия.

«СЕЙЧАС!» — мысленный крик Дагрона пронзил всех, как удар тока.

Он парил высоко над полем битвы, и «Око Разума» в его лапах было уже не артефактом, а частью его тела. Он активировал его. Не лучом, а воронкой. Структурированный свет, холодный как смерть и точный как теорема, ударил в ядро Тауриса. Это не было насилием. Это было переписыванием. Бесформенная ярость закручивалась по спирали, сжималась, её бесконечный рев дробился на частицы, её слепая сила упаковывалась в идеальные математические матрицы.

«Я... ДЫХАНИЕ... — голос Тауриса, всегда громоподобный, стал тише, превратился в шипение помех, в шёпот стирающейся плёнки. — Я... ВЕЧНЫЙ... СИСТЕМА... ОШИБКА... ЗАЦЕПЛЕНИЕ... ЗАЦИКЛИВАНИЕ...»

Вихрь не взорвался. Он схлопнулся. С звуком, похожим на величайший вдох во вселенной, вся мощь Сокрушающего Вихря устремилась в «Око». Над Западными землями воцарилась тишина. Настоящая, глубокая, всепоглощающая тишина, которой не было десять лет. И в этой тишине на стеклянную землю упали первые, робкие капли простого, немудрёного дождя.

Они стояли посреди дождя.

Игнэрион рухнул на колени. Его «Несокрушимая Броня», когда-то идеальное творение, теперь была похожа на реликвию, выкопанную из-под тысячелетних завалов. Сеть трещин, вмятин, почерневших участков. Она не сияла. Она молчала. И от этого молчания исходила такая усталость, что казалось, она вот-вот рассыплется в пыль. Сам дракон дрожал мелкой, непроизвольной дрожью — десять лет он был щитом, и теперь его душа забыла, как не быть щитом.

Тридент стоял, опираясь на меч, воткнутый в стеклянную гладь. Клинок был раскалён до бела и издавал низкий, угрожающий гул, как натянутая струна. Он насытился. Но взгляд его владельца был пуст. Вся его легендарная ярость, вся морская мощь была выплеснута в эти годы. Он смотрел на своё отражение в луже и не видел в нём Повелителя Грома. Он видел старую, измождённую тварь, которая отдала богу бури самое себя и получила взамен лишь тишину.

Аурелия сидела, сторбившись, обхватив крыльями себя, как птенец. Она смотрела на капли дождя и видела, как каждая из них падает не один раз, а бесконечным эхом — прошлое падение накладывалось на настоящее, будущее проступало сквозь него. Её связь со временем была порвана и сшита заново кривыми нитями. Она чувствовала, как годы, отданные «Осколку», тянутся за ней невидимым шлейфом, и знала, что никогда больше не будет воспринимать «сейчас» как нечто цельное.

Фенисания лежала на спине, раскинув крылья, и смотрела в расчищающееся небо. Дождь струился по её чешуе, смывая пепел и кровь. Серебристые пятна вокруг глаз стали больше, глубже. Она отдала частицу своей сущности, и рана была не на теле, а на душе. Сила жизни в ней ещё билась, но её песня теперь всегда будет содержать в себе минорную ноту — память о том, как жизнь предложила себя хаосу, и хаос едва не переварил её.

Дагрон спустился последним. Он медленно парил к земле, держа перед собой «Око Разума». Внутри идеального кристалла бушевала, но была закована в сверкающую геометрическую решётку, миниатюрная, вечная буря. Сила Тауриса. Его глаза, лишённые теперь всякого человеческого тепла, отражали её холодные вспышки. Он не смотрел на своих измождённых соратников. Он не смотрел на рождающийся из пепла мир. Его взгляд был прикован к артефакту. К его творению. К его трофею. На его морде не было улыбки. Было выражение глубочайшего, леденящего душу удовлетворения. План сработал. Логика победила. Порядок был возведён на костях хаоса.

Они победили. Мир за стенами Западных земель вздохнул с облегчением, не зная цены. Но здесь, в Стеклянных стенах, среди первых луж и тишины, которая звенела громче любого грома, стояли не пять героев. Стояли пять живых монументов собственной победе. Я рекон-

струировал эту сцену по обрывкам записей Торвальдерона и его предшественников. Что Игнэрион долго не мог подняться. Что Аурелия смотрела на свои руки так, будто видела их впервые. Что Фенисания плакала, но слёзы её были серебряными. Я позволил себе добавить детали. Возможно, я ошибся в цвете дождя или в том, как именно стоял Тридент. Но одно я знаю точно: победа досталась им не даром. И каждый из них унёс с этой равнины не триумф, а незаживающую рану. «Око», холодное и пульсирующее в лапах Дагрона, было не просто артефактом. Оно было первым камнем в фундаменте грядущей эпохи. И камень этот был вырезан из сердца бога и скреплён кровью тех, кто называл себя его победителями.

ГЛАВА 8: РЕШЕНИЕ О БУДУЩЕМ

Вернувшись в Выросший Зал, они не праздновали победу. Они рухнули. Броня Игнэриона с глухим стуком коснулась пола, и он замер рядом, дыша тяжело и прерывисто. Тридент стоял, опираясь на «Громовую Ярость», чей клинок теперь тихо потрескивал, будто переваривая поглощённую мощь. Крылья Фенисании безвольно опустились. Взгляд Аурелии был устремлён куда-то вдаль — в темпоральные последствия использования Кольца. Лишь Дагрон казался собранным, но и его изумрудная чешуя потеряла блеск, а в глазах читалась глубокая, вычисляющая усталость.

«Око Разума», помещённое в центр Зала, пульсировало мягким, ритмичным сиянием. Внутри него, за стеклянной сферой, вечный, крошечный вихрь вращался по заданной траектории — заархивированная, умирённая ярость Тауриса.

Именно на него смотрела Фенисания, когда заговорила. Её голос был тихим, но прозвучал на фоне всеобщего изнеможения с невероятной ясностью.

— Мы не можем... — она сделала паузу, переводя дух. — Мы не можем, едва переведя дыхание, лететь на бой с Талассаром. Океан не простит ошибок. Он затянет и утопит там, где буря лишь отшвырнула. Нам нужно время. Время, чтобы исцелить раны. Время, чтобы понять... — она указала когтем на «Око», — как использовать то, что мы отвоевали.

Она подняла взгляд на собратьев. В её глазах горела не усталость, а необходимость.

— Мы говорили о жизни после победы. О тех, кто заполнит эти земли. Думать о наших собственных детях сейчас... может, и рано. Слишком много риска. Слишком много боли может принести война. Но... — она сделала шаг к «Оку». — Что, если мы используем эту силу не только как трофей или батарею? Что, если мы используем её как семя?

Игнэрион приподнял голову, хрипло спросив:

— Семя? Для чего? Для выращивания бури в горшке?

— Для создания помощников, — чётко сказал Дагрон. Его ум мгновенно ухватился за идею. — Не детей в прямом смысле. Производных существ. Существ, связанных с нами по духу, но рождённых не от плоти, а от воли и магии. Использовать упорядоченную силу ветра как основу, добавить частицы нашей собственной сущности, спроецировать на неё образ слуги, воина, строителя... Это логично. Это увеличит наши силы и уменьшит риски в следующем сражении.

— Вы говорите о рабах? — спросил Тридент, и в его голосе прозвучало неодобрение. — О созданиях, которых мы пошлём на убой вместо себя?

— Нет! — живо возразила Фенисания. — Не о рабах. О младших братьях и сёстрах. О наследниках не по крови, а по долгу. Существах, которым с самого начала будет дан смысл: охранять мир, который мы создаём. Они будут свободны в своей воле, но их природа будет вписана в гармонию порядка, а не хаоса. Они смогут заселять и охранять Западные земли, пока мы будем сражаться на других фронтах.

Аурелия медленно вернула свой взгляд в настоящее. Она смотрела на «Око», и её глаза отражали мерцающие образы.

— Я вижу зёрна, — прошептала она. — Множество путей. В одних из них рождаются бездушные големы, и они восстают, ибо в них нет ничего, кроме приказа. В других рождаются существа с искрой. Не такой яркой, как наша, но своей. Они смотрят на нас не как на хозяев, а как на родителей идеи. Это риск. Новая воля — всегда риск. Но и сила.

— Сила, в которой мы нуждаемся, — подвела итог Фенисания. — Мы не можем делать всё впятером. Мы устали. Мы можем ошибиться. А Талассар не простит ошибки. Давайте создадим тех, кто сможет нести свет порядка в уже умирённые нами земли. Кто сможет, воз-

можно, помочь нам в будущих битвах не как пушечное мясо, а как союзники с иными, полезными способностями.

В Зале воцарилось раздумье. Идея была дерзкой. Превратить трофей войны в инструмент созидания новой жизни.

— Практично, — наконец хмыкнул Игнэрион. — Если я могу выковать броню и меч, почему бы не выковать и пару крепких лап, которые будут таскать камни для будущих городов? Но форма должна быть прочной, продуманной.

— Их можно обучить, — сказал Тридент, уже видя в этом военный потенциал. — Стратегии, патрулированию. Если они будут связаны с силой ветра, они смогут быть разведчиками, гонцами, контролировать небо над освобождёнными территориями. Это разумное распределение ресурсов.

— Процесс потребует точности, — предупредил Дагрон. — Мы не просто лепим из глины. Мы создаём сложных существ, используя «Око» как манипулятор. Нужно чётко прописать базовые протоколы лояльности, свободы воли в установленных рамках, цели существования. Один сбой в матрице — и мы получим не союзника, а нового, миниатюрного и очень озлобленного врага.

— Тогда мы сделаем это вместе, — мягко, но настойчиво сказала Фенисания. — Моя сила даст им искру жизни и связь с миром, а не просто функцию. Твоё «Око», Дагрон, обеспечивает структуру и разум. Сила Тридента даст им волю к защите, Игнэриона — стойкость и форму. А Аурелия... Аурелия сможет заглянуть в моменты их рождения и скорректировать вероятности, чтобы искра не угасла.

Она обвела взглядом всех.

— Мы не будем спешить. Мы отдохнём. Мы исцелимся. А потом создадим первых. Не детей плоти. Но, возможно, первых детей нашей общей воли. И посмотрим, что из этого выйдет. Если мы ошибёмся... у нас есть «Громовая Ярость», чтобы исправить ошибку.

В её словах не было жестокости, лишь грустная прагматика творца, осознающего ответственность.

Решение было принято. Война ненадолго отступила, уступив место акту творения. Они будут использовать украденную у хаоса силу, чтобы заложить основу для нового общества. Это был рискованный, беспрецедентный шаг. Но он был логичным продолжением их войны — они начали не просто разрушать старый мир, а строить новый, кирпичик за кирпичиком, используя даже камни, вырванные из стен прежнего хаоса.

Дагрон использовал «Око Разума» как фабрику и компилятор. Он выделил часть упорядоченной энергии Тауриса. Он создал базовый шаблон существа: гуманоидная форма для труда, но с зачатками крыльев и лёгкостью костей. В шаблон он внёс базовые императивы: защищать установленный порядок, подчиняться Воле Первых (их голосам, отпечатанным в «Оке»), обустривать территорию.

Игнэрион добавил плотность и стойкость. Его магия вплела в форму крепкие, как сталь, сухожилия, прочную чешую, способную выдержать ураганный ветер. Это были не королевские доспехи, а рабочая одежда для целой расы.

Тридент вложил дисциплину и волю к защите. Его часть была не о ярости, а о непоколебимости долга. Это должно было помешать им разбежаться при первой опасности или впасть в уныние.

Фенисания дала искру. Но не искру жизни в полном, сложном смысле, а искру существования. Она оживила конструктор, дала ему способность чувствовать, мыслить в рамках заданных параметров, испытывать простые радости от выполнения своей функции. Это сделало их разумными инструментами. Но их любовь будет направлена на дело, а не на создателей.

Аурелия не участвовала напрямую. Она была стабилизатором и наблюдателем. Она следила за ветвями вероятностей, корректируя ритуал, чтобы избежать роковых сбоев, которые привели бы к созданию чудовищ или немедленному распаду существ.

Ритуал подходил к концу. Из сияющей сферы «Ока Разума», как плоды с дерева, материализовались одиннадцать серебристо-серых существ с ясными, ожидающими взглядами. Они были совершенны в своей утилитарности.

Но затем, из глубины энергетического вихря, вышел двенадцатый.

Он был иным.

Его форма была крупнее, изящнее, в ней угадывалась не рабочая схема, а архитектура. Чешуя не была тускло-серой — она отливала глубоким сапфирово-синим, как вечернее небо. Вместо кожистых перепонки на его спине были настоящие крылья, сложенные из тонких, прочных пластин, похожих на лазурит. И глаза... его глаза были не просто ясными. Они были умными, пытливыми, и в их глубине мерцал холодный, сфокусированный свет, напоминающий взгляд Дагрона.

Он ступил вперёд, и его движение было полным врождённой грации. Он склонил голову не перед всем скопом, а отдельно — перед Фенисанией, и в его поклоне была не только покорность, но и глубокое, безмолвное почтение.

— Воля Первых исполнена, — произнёс он. Его голос был тише, чем у других, но обладал странной резонансной силой, будто в нём звучал отголосок магических формул. — Формы готовы. Я ощущаю задачу. И желаю её исполнить.

В Зале повисло изумлённое молчание. Игнэрион присвистнул.

— Ну, вот это сюрприз. Похоже, «Око» решило проявить инициативу. Или в матрицу закралась оригинальность.

Дагрон пристально изучал синего дракона. Его аналитический ум работал на пределе.

— Интересно. Произошла не запланированная мутация, а фокусировка. «Око», используя мои паттерны мышления и базовую энергию ветра, сгенерировало не просто исполнителя, а координатора. Существо с повышенными когнитивными способностями и, судя по ауре, врождённым магическим потенциалом. Он не просто сильнее. Он сложнее. Его лояльные протоколы... они глубже.

Тридент нахмурился, его рука непроизвольно сжала рукоять «Громовой Ярости».

— Координатор? Или потенциальный конкурент? Слишком много воли для инструмента.

— Нет, — тихо, но твёрдо сказала Фенисания. Она подошла к синему дракону, и её взгляд, полный изначальной материнской нежности, которую она сдерживала при создании других, теперь смягчился. — Смотри. Он смотрит не с вызовом. Он смотрит с пониманием. Он видит не просто приказ, а смысл за ним. — Она обратилась к нему: — Как мы можем звать тебя?

Синий дракон поднял голову. Казалось, он обдумывал вопрос, а не просто извлекал запрограммированный ответ.

— Имя... — произнёс он, и в его голосе прозвучала первая, едва уловимая нота чего-то личного. — Оно есть. Дарий. Я — Дарий. И я здесь, чтобы служить. Чтобы организовывать. Чтобы строить то, что вы задумали.

Он обвёл взглядом своих серебристых собратьев, и те, казалось, выпрямились под его вниманием, их взгляды стали осмысленнее.

— Они слышат меня. Я могу быть голосом вашей воли среди них. Моя магия... — он разжал лапу, и над ней заплесал маленький вихрь, сложенный из рунических символов, — позволяет мне понимать структуры. Структуры ветра, камня... и общества.

Аурелия, наблюдая за ним, кивнула, как будто подтверждая увиденное в вероятностях.

— Он — стабилизатор. Непредвиденный, но логичный. Система, которую вы создали, породила элемент самоуправления для большей эффективности. В большинстве будущих вет-

вей он верен. Особенно тебе, Фенисания. Твоя искра жизни в нём отозвалась сильнее всего. Он видит в тебе не повелительницу, а источник.

Дарий снова склонил голову перед Фенисанией.

— Вы дали форму и цель. Я буду охранять и то, и другое.

Решение было очевидным. Они получили не аномалию, а улучшение.

— Хорошо, Дарий, — сказал Дагрон, принимая новый параметр в свои расчёты. — Твоя задача — возглавить первых стражей Запада. Обустрой базу. Изучи усмирённые земли. Разработай системы патрулирования и обороны. Ты наш наместник на этой территории. Отчитывайся нам. И помни: твоя сила — отражение нашей воли.

— Понимаю, — ответил Дарий. В его глазах вспыхнула решимость, смешанная с интеллектуальным азартом. — Порядок будет установлен.

Он развернулся к одиннадцати другим и жестом велел следовать за собой. Они пошли за ним без колебаний — уже не как одинаковые единицы, а как отряд со своим лидером. Разница была поразительной.

Когда они скрылись из виду, Игнэрион выдохнул:

— Ну, «кузнец» из него так себе. Зато «архитектор» — не хуже любого из нас. Интересно, что он ещё сможет сделать с той долей магии, что в него вложили.

— Он — наш первый и самый важный эксперимент, — сказала Фенисания, следя за исчезающей синей вспышкой вдали. — В нём больше жизни, чем мы планировали. Надеюсь, мы не совершили ошибку, дав ему такую свободу.

— Ошибка или гениальный ход — покажет лишь время, — резюмировал Тридент. — Но теперь у нас есть кому держать западный фронт. А мы можем сосредоточиться на океане.

Торвальдерон, чьи записи я использую, называл этот момент «первой искрой непредсказуемости». Он писал, что в тот день Первые впервые почувствовали, что творят не просто по чертежу, а по вдохновению. И это одновременно пугало и восхищало их. Я же, глядя из своего времени, вижу в этом рождении нечто большее. Дарий стал первым звеном в длинной цепи существ, которые однажды назовут этот мир домом. Он был предтечей. Предтечей тех, кто придёт после. И его преданность Фенисании, его любовь к порядку, его умение видеть структуру там, где другие видят хаос... всё это отразится в характерах целых рас, которые ещё только родятся.

ГЛАВА 9: СОВЕТ ПЕРЕД БЕЗДНОЙ

Выросший Зал преобразился. Теперь он напоминал не убежище, а командный центр. На полу, подчинённый воле Дагрона, светился огромный, трёхмерный магический макет Западного побережья и прилегающих океанических просторов, включая зловещее скопление разломов и бурлящих вод, известное как Острова Эха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.